

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т64

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя, запрещается.

Автор идеи *Дмитрий Глуховский*

Главный редактор проекта *Вячеслав Бакулин*

Оформление серии *Павла Бондаренко*

Точинов, Виктор Павлович.

Т64 Метро 2035: Защита Ковача / Виктор Точинов. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Вселенная метро 2035).

ISBN 978-5-17-119688-2

Идет война, жестокая и беспощадная, — правых и виноватых в ней нет.

Военные, прожившие двадцать лет на подземном объекте, бьются за то, чтобы возродить хоть какое-то подобие прежнего мира, рухнувшего в Катастрофе. Их противники, выживавшие на поверхности и изуродованные мутациями, бьются за свое право жить как жили: их уклад и обычаи кажутся дикими и кровавыми, но именно они помогли спастись, уцелеть в постъядерном хаосе. И неизвестно, можно ли было уцелеть иначе.

Однажды военные захватывают и доставляют на базу молодую девушку, на первый взгляд совершенно обыкновенную. Но в этом мире у всех есть свои секреты, и она не совсем та, кем кажется...

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119688-2

© Глуховский Д.А., 2017
© Точинов В.П., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Этого дня они ждали двадцать два года. На самом деле чуть меньше, не дотянули до годовщины несколько месяцев, но откладывая выход наружу на середину лета лишь ради красивой даты Полковник не стал. Он имел склонность к внешним эффектам, но не в ущерб делу.

Яркий свет заливал тоннель — в дополнение к штатному освещению ради торжественного момента подтянули еще и пару прожекторов. Обычно на освещении экономили, берегли и электроэнергию, и лампы (запас их был велик, но все же не бесконечен), — но только не сегодня.

По-хорошему должен бы звучать сейчас оркестр, но оркестра у них не было, — запись гимна доносилась из динамиков.

Когда-то эта запись служила будильником, каждое утро поднимая обитателей Базы, в рабочие дни в шесть утра, в выходные и по праздникам на два часа позже. Но лет пятнадцать назад случилась эпидемия самоубийств, и по настоянию доктора Рымаря гимн перестали применять для побудки, заменили на бодрые жизнеутверждающие шлягеры. Насколько действенной оказалась та давняя мера, неизвестно. Эпидемия и в самом деле пошла на убыль, затем и вовсе прекратилась, но причины тому могли быть другие: например, произошел естественный отбор и бойцы, склонные к депрессии и суициду, попросту закончились.

Под звуки гимна Ковач поглядывал на застывший строй не то чтобы с тревогой, но по привычке, — ему, как главно-

ВИКТОР ТОЧИНОВ

му особисту, полагалось приглядывать за всем и за всеми, не оставлять без внимания даже мелкие события, способные обернуться большой бедой.

Но нет, стоят спокойно, никто не хватается за оружие, чтобы выстрелить в голову себе или соседу. Хреновый все-таки из Рымаря психолог...

Доктор двадцать лет занимался самообразованием и превратился из гарнизонного костоправа, склонного к выпивке, в специалиста широчайшего профиля, мог хоть зуб запломбировать (и пломбировал), хоть роды принять (и это доводилось делать). Но во всех освоенных медицинских дисциплинах, что греха таить, стал он специалистом хреновеньким, на троечку с минусом. Иначе и не бывает, если изучать предмет самоучкой, по книгам, без наставников-профи, руководящих первыми практическими шагами. Да и склонность к выпивке никуда не подевалась, а она росту профессионализма не способствует.

Зато Ковач не был особистом-самоучкой. Старая гвардия, старая закалка. Принесла нелегкая из штаба округа с проверкой на объект, проверить сигнал о хищениях казенной тушенки в особо крупных размерах (не подтвердившийся, кстати), — так и застрял здесь, когда грянуло.

Гимн отзвучал. Полковник шагнул к микрофону — дородный, седой, одышливый. Было ему под семьдесят, но здесь, под землей, юнцов вообще не осталось. Даже сопливым солдатам-срочникам, ушедшим в штольни, сейчас в районе сороковника, офицеры еще старше. Самому Ковачу недавно стукнуло пятьдесят четыре, стариком он себя пока не ощущал, но понимал: обратный отсчет идет, песка в песочных часах остается все меньше.

Если не считать четверых детей, родившихся здесь (выжили двое), то самый молодой Кирилл Званцев по прозвищу Малой, — сын Полковника. Угодил он на Базу четырехлетним дошкольником Кирюшей, а сейчас первый зам отца, можно

МЕТРО 2035: ЗАЩИТА КОВАЧА

сказать, наследный принц, — подземная жизнь давненько идет не по Уставу, и власть у Полковника вполне самодержавная. Ковач даже мысленно не возражал против передачи командования Базой по наследству. При своем регентстве, разумеется, в одиночку мальчишка власть не удержит, тут хватка волчьа нужна... Не возражал, но все же надеялся, что хоть на пяток лет Полковника еще хватит. Выход на поверхность и обустройство там — не тот момент, когда уместны все пертурбации, связанные со сменой командира.

Речь начальника особист слушал вполуха. Известные вещи: об их священном долге в деле возрождения цивилизации... Разумеется, они представляли, что творится снаружи, по крайней мере в ближних окрестностях, какой раздрай и бардак. Сначала были лишь короткие вылазки — недалеко и ненадолго, в костюмах радиационной защиты. Но уровень радиации неуклонно падал, и в последний год Филин, глава разведчиков, провел снаружи времени чуть ли не больше, чем на Базе.

Закончил Полковник патетически: победа будет за нами!

Ковач мысленно кивнул: дураками они будут, если просрут победу, — с такими-то ресурсами. За спиной — многокилометровые штольни, где некогда добывался горючий сланец. Они превращены в подземные склады госрезерва, ломятся от запасов всех видов: там и оружие, и боеприпасы, и провиант длительного хранения, и обмундирование, и ГСМ, и даже техника в консервационной смазке... Государства не стало, и охранники сокровища превратились в его владельцев.

Их осталось восемьдесят шесть человек, хотя под землю ушло свыше трех сотен, считая офицерские семьи. Но были попытки бунта, была эпидемия самоубийств, были болезни, с которыми Рымарь не смог справиться. И был Раскол.

Вновь заиграл гимн. Огромные металлические створки поползли в стороны по направляющим. Внутрь немедленно устре-

ВИКТОР ТОЧИНОВ

мились солнечные лучи, время церемонии специально подгадали так, чтобы добровольные узники подземелий первым делом увидели солнце, — никто, кроме вышедших наружу разведчиков Филина, двадцать с лишним лет не видел светила... И свежим, не прошедшим многократное рекондиционирование воздухом никто не дышал, а он немедленно ворвался в тоннель вслед за солнечным светом — пьянящий, наполненный смесью самых разных запахов, никакого сравнения со стерильной и мертвенной атмосферой Базы.

Прожектора погасли. Штатные лампы тоже. В живом свете, залившем тоннель, Ковач заметил, какие мертвенно-бледные у всех лица, а только что выглядели нормальными при галогеновом белесом освещении. Черные очки, надетые на всех без исключения, еще сильнее подчеркивали эту бледность, и Ковачу пришла дурная мысль, что он стоит в толпе мертвецов, отчего-то сохранивших способность ходить и говорить, и сам тоже мертвец, что все они умерли и сами того не заметили.

Затем произошло ожидаемое (Ковачем ожидаемое, по крайней мере) — резкое и спонтанное падение дисциплины. Все устремились наружу, не дожидаясь команды и не оглядываясь на начальство. Да и само начальство с Полковником во главе не пыталось остановить и привести в разум подчиненных, тоже потопало вперед, к распахнувшимся воротам, ведущим в огромный и *настоящий* мир... Слишком долго все ждали этого дня.

Семьдесят девять человек, собравшихся у выхода, на какое-то время превратились в неуправляемую толпу — и могли погибнуть все разом, если бы снаружи поджидали враги, готовые к атаке и жаждущие поживиться громадными подземными запасами. Но снаружи нес вахту Филин с пятеркой своих бойцов при двух пулеметах — Ковач подстраховался от неприятных сюрпризов. Не стоило считать, что о сокровищах Базы никто не знает или все позабыли.

МЕТРО 2035: ЗАЩИТА КОВАЧА

Раскольники точно помнят... Хотя и забрали очень многое, уходя, но то была лишь малая доля от хранившихся в штольнях богатств. Хотя неизвестно, чем обернулось воплощение их идеи-фикс: не дожидаясь окончательного снижения уровня радиации, быстрым маршем выбраться из зараженного района. Может, все загнулись от лучевки. Но если живы, то способны на любую пакость, Раскол происходил не очень мирно, едва-едва дело до стрельбы не дошло... После ухода отщепенцев главный выход перекрыли, обрушили взрывами своды тоннеля, избегая неприятных сюрпризов. Пробили новый, времени у них хватало, они и без того постоянно долбили скальную породу, расширяя Базу, — от безделья под землей живо съедешь с катушек. Хотя и без того с психикой сейчас у личного состава не очень, в былые времена половину комиссовали бы как непригодных к службе.

...Полковник и снаружи повел себя патетично. Опустился на колени (Ковач отметил, что движение неловкое, старческое), поцеловал землю, вернее, растущую на ней молодую траву. Поднялся таким же стариковским движением, по лицу текли самые натуральные слезы. Особист бросил быстрый взгляд на Малого, на лице у того явственно читалась досада и неловкость за поведение отца, — и Ковач удовлетворенно кивнул своим мыслям.

Остальные реагировали не столь пафосно, но их тоже зацепило, что уж скрывать...

Потом был банкет в большом и ярко освещенном зале, тоже выдолбленном уже при подземном житье, на бывших складах не имелось помещений такого размера. Вообще-то Полковник относился к распитию строго, понимал, что пьянка еще опаснее, чем безделье. Но сегодня не поскупился. Пили открыто и вволю, и не технический либо медицинский спирт, — коньяк, бывший пятнадцатилетним еще в те далекие времена, когда его закладывали здесь на хранение.

ВИКТОР ТОЧИНОВ

Рымарь, покрасневшийся от выпитого, приставал к Филину:
— Ну теперь-то доставишь мне хоть несколько экземпляров? У меня аж слюни текут от твоих рассказов...

Доктор не впервые просил командира разведчиков доставить с поверхности образцы новой, невиданной ранее фауны, но каждый раз получал отказ: Полковник, дескать, разрешил лишь наблюдение, крайне осторожное, а любые биологические образцы запретил доставлять на Базу.

А у Рымаря была теория: наверху вместе с обычным ядерным оружием применили какое-то новое, ранее не известное, воздействующее на генетику, — слишком уж много расплодилось жизнеспособных мутантов, не похоже, что причина лишь в радиации. Целились, разумеется, в людей, но и животный мир зацепили. И растениям досталось, и грибам, и прочим простейшим. Доктор очень хотел найти подтверждение своим идеям.

Филин лишь пожал плечами. Начальство, мол, прикажет — доставим. Болтливостью он не отличался, слова клещами не вытянешь. Зато его заместитель с позывным Самурай говорил за двоих.

— Доставим в лучшем виде, пан эскулап, — сказал Самурай. — Не за так, понятно, придется тебе на спирт медицинский расщедриться, не обессудь.

— Да не вопрос! — бодро откликнулся Рымарь. — Но тогда уж и несколько человек доставьте из местных, кто самим интересным покажется.

Тут у Филина прорезался голос, и он произнес:

— Запомни, доктор: людей наверху не осталось. Мутанты. Двунogie животные.

Глава 1

Город мертвой любви (e2-e4)

Рассвело, и утро выдалось погожее, но город от того приятнее выглядеть не стал.

Все так же громоздились неровные плиты асфальта, взломанного корнями разросшихся за двадцать лет деревьев — разросшихся прямо-таки на удивление, Самураю казалось, что даже быстро растущие тополя не успели бы так подняться за два десятилетия. Но деревья незнакомой ему породы (тоже мутировавшие?) сумели вымахать так, что стали чуть ли не в обхват толщиной, — но не тянулись к небу, как нормальные сосны или дубы прежних времен. Перекрученные, чуть ли не морским узлом завязанные стволы напоминали крючки и петли неведомого алфавита.

Здания — одни полуразрушенные, другие относительно целые — паялились на мир бельмами окон, лишившихся не только стекол, но зачастую и рам. Впрочем, некоторые окна были наглухо заколочены досками — верный признак того, что кто-то пытался там выживать даже после того, как все пошло вразнос. Изредка в оконном проеме поблескивал на утреннем солнце чудом уцелевший осколок стекла, и у Самурая тотчас же срабатывал рефлекс на опасность. Рефлексу он воли не давал — некому тут целиться в них через оптический прицел или хотя бы наблюдать в бинокль за продвижением группы. Оптика на много верст вокруг есть только у своих, да и то военная, бликов не дающая.

ВИКТОР ТОЧИНОВ

А местные вооружены старыми дробовиками и карабинами, тоже не новенькими. Скорострельного оружия у них нет, да и нужды в нем нет при тотальном дефиците патронов. И сколько трофейных карабинов ни попадало Самураю в руки, ни на одном ничего сложнее коллиматорного прицела не стояло. Если и была когда-то охотничья оптика, давно все расколотили.

Но рефлекс штука живучая, ему нипочем четверть века, что миновала с последней настоящей войны, на которой побывал Самурай. И он, рефлекс, настойчиво требовал залечь при каждом блике в высаженных окнах.

По-простому, без оптики, выстрелить в спину здесь вполне могли. И, случалось, стреляли. Местные мутанты в городе предпочитали не селиться: кирпичные и бетонные коробки многоэтажек мало пригодны для жилья, когда накрывается вся обеспечивающая в них жизнь инфраструктура: водопровод, электричество, канализация... Не жили, но порой заскакивали за добычей. Большие склады давно разграблены, но мародеры и сейчас отыскивают нетронутые квартиры либо подсобки крохотных магазинчиков, без трофеев не уходят. Занимаются этим промыслом самые отмороженные, в чужаков стреляющие без раздумий, без особой причины, просто чтобы те не выстрелили первыми.

Самурай тоже не любил бывать в мертвом городе. Да и смысла в том не видел: с их запасами искать добычу в уцелевших от грабежа квартирах? — смешно. Хищной мутировавшей фауны здесь не больше, наверное, чем за городскими пределами, но слишком уж много удобных мест для засад хищников: помещения, подвалы, чердаки, подземные коммуникации. И на бронетехнике по городу не проехать, его проспекты и улицы теперь — сплошная полоса препятствий. За броней, если что, не отсидеться, и крупнокалиберный пулемет

МЕТРО 2035: ЗАЩИТА КОВАЧА

БТР, способный самого громадного монстра изрешетить, не помощник. На своих двоих сюда ходят и с личным стрелковым.

В общем, Самурай не любил город, когда-то называвшийся Сланцы, и предпочитал в него лишний раз не соваться. Но сейчас выбора не было, приказ есть приказ. По оперативным данным, в городе якобы все-таки постоянно обитает небольшая группа аборигенов, держащаяся от прочих наособицу. Называют себя Чистыми, и не оттого, что часто моются, с этим у всех мутантов большие проблемы, — в генетическом смысле. Практикуют евгенику в самом жестком ее варианте. Без теоретических познаний, все происходит попросту: если рождается у них младенец с чем-либо, для нормального человека нехарактерным, — без затей его топят. Неудивительно при таких делах, что Чистых очень мало. И что держатся они поодаль от прочих мутантов, у тех-то полная терпимость ко всевозможным уродствам, всех за людей считают, даже не слишком-то похожих на хомо сапиенсов.

Тем интереснее было Чистых найти и установить с ними контакт. В приказе сказано жестко: никаких силовых действий. Не захотят общаться, силком не навязываться, собрать как можно больше информации: где обитают, чем занимаются, — и отступить.

Самурай недоумевал: что за Чистые, почему никогда о таких не слышал? Данные о них поступили не от разведки — от структур Ковача. После выхода наружу особист развернулся. Расправил, так сказать, крылья. Создал обширную агентурную сеть, раскиданную по окрестным деревням. И другую сеть, внутреннюю, на Базе, — старые-то кадры все по десять раз проверены-испытаны, а от мобилизованных и даже добровольцев можно ожидать всего. Если кто-то из них на службу пошел лишь с мыслью автомат заполучить и тут же дезертировать, это еще полбеды. А если для того записался, чтобы шпионить и Базе изнутри вредить?

ВИКТОР ТОЧИНОВ

Но внутренняя агентурная сеть Ковача худо-бедно работала. И шпионов ловили, и попытки группового дезертирства с оружием пресекали. А вот внешняя... У Самурая имелись касательно нее изрядные сомнения. Сколько, интересно, агентов скармливает кураторам откровенные байки или прямую ложь в обмен на тушенку и одежду с подземных складов? Та же история с Чистыми хороший тому пример... Хоть какой-нибудь слух до разведчиков дополз бы, существуй такие на самом деле. О тех же заболотниках сколько всего болтают.

Капитан Николай Смуров по прозвищу Самурай подозревал, что его отправили искать в стоге сена иголку, которой там нет. Но приказы не обсуждают... Собрал группу — шестеро мобилей, сержант Гнатюк из старой гвардии, сам восьмой, — и выступил за пару часов до рассвета. До границы города доехали на БТР, как белые люди, а вот дальше пришлось пешочком... И пора бы уже делать привал, ходьба по вздыбленному, торчком вставшему асфальту сильно выматывает.

Он собрался было выбрать подходящее местечко с относительным обзором во все стороны и скомандовать: «Привал полчаса!» — когда вдруг увидел на облупленной стене дома эмалированную табличку, на удивление белую, словно кто-то ее регулярно протирал-начищал.

На табличке было написано: «ул. Максима Горького, 17». И надпись эта заставила Самурая вспомнить кое-что, казалось бы, прочно позабытое.

Привал он скомандовал несколько позже, чем планировал.

* * *

Когда-то, в прошлой жизни, Самурая доводилось бывать в городе Сланцы (даже в позапрошлой, если прошлой считать двадцать лет, проведенные под землей). Пятнадцать киломе-

МЕТРО 2035: ЗАЩИТА КОВАЧА

тров от объекта, где он служил, по шоссе, а по прямой гораздо ближе, — куда еще отправиться развеяться, отбарабанив двенадцатичасовое дежурство? На выходные Самурай нередко отправлялся оттянуться в Питер, но вечера после службы проводил в Сланцах.

Шахтерский городок уже тогда производил впечатление умирающего... Не мертвого, как сейчас, — именно умирающего.

Дело в том, что хоть и прославился город на весь бывший Союз производством резиновых шлепанцев, незаменимых для походов на пляж или в баню, но то было побочное производство, а главное, ради чего город и возник, — добыча горючего сланца. Основным потребителем добытого были тепловые электростанции соседней Эстонии, когда-то братской советской республики. Их так изначально проектировали — ни уголь, ни что иное в качестве топлива не годилось, только сланец. Потом республика обернулась независимым государством, не слишком братским. Новые власти в конце девяностых объявили, что не желают зависеть от России в энергетике, — и перестроили свои электростанции на другое топливо, взяв на это дело западные кредиты. Отбиваться затратам предстояло пару веков, но независимости от российских поставщиков достигли, что да, то да. И заодно, мимоходом, угробили город Сланцы.

Шахты закрылись, и город начал медленно умирать. Многие шахтеры уезжали вместе с семьями в те регионы, где их специальность была пока еще востребована. Те, кто трудился в других отраслях, пытались жить как прежде, — но и торговля, и сфера услуг хиреют, когда в городе исчезает главный источник денег. Население Сланцев сократилось вдвое. Да и оставшиеся, наверное, уехали бы с легкой душой, но продать стремительно дешевеющую недвижимость стало практически нереально.